

Л.А. Кутузова.

ИЗ НЕБЫТИЯ...

В одной из записных книжек К.Э.Циолковского, хранящихся в музее, имеется следующая запись: “А.В.Беккаревич Кал[уга]. Театральная ул. 32”. Предыдущая запись на этом листе датирована 7 августа 1932 г. Значит, эта сделана позже. Мы предположили, что речь идёт о калужанах, с которыми учёный был знаком. Но долгое время не удавалось разыскать никаких сведений о людях, живших в то время по этому адресу. И только летом 2010 года состоялось (совершенно случайно, хотя ничего случайного, конечно, не бывает) знакомство с потомками супругов Беккаревич, вначале заочное, по электронной почте, а потом и личная встреча в Калуге, в музее - и удалость, наконец, узнать, что стоит за этой короткой записью, сделанной учёным.

Речь идет об Александре Васильевне и Ярославе Владимировиче Беккаревич. Александра Васильевна Беккаревич, в девичестве Орлова, родилась 18 февраля 1887 г. в г. Воротынске Перемышльского уезда Калужской губернии, в семье сельского учителя (впоследствии – священника) Василия Ивановича и Марии Николаевны Орловых.

Училась Александра Васильевна в Калужском женском епархиальном училище (КЖЕУ), где и состоялось её знакомство с К.Э.Циолковским, преподававшим там физику и математику. К сожалению, воспоминаний Александры Васильевны Орловой об учёбе в КЖЕУ не сохранилось. Но вот как писала о К.Э.Циолковском О.И.Малинина, выпускница этого периода: «... Инспектор пришёл в класс с Константином Эдуардовичем, отрекомендовал его нам и ушёл... Константин Эдуардович сказал нам, что будет преподавать физику, а физика - такой предмет, где надо рассуждать и не зубрить: “Запомните - я буду при ответах урока всегда ставить перед вами вопросы: зачем, почему, какие причины тому или другому явлению,” - потом улыбнулся (он часто улыбался, когда был доволен) и сказал: “Ну, желаю счастья вашему рассудку!” ... Константин Эдуардович любил очень чертежи на доске. Если чертёж удовлетворял всем его требованиям, то он улыбался и говорил: “Какая же ты умница, как же ты сделала хорошо и красиво - я и сам так не сделаю. Учитесь у неё!” ... Он сумел внести живую струю в своё преподавание и заинтересовать нас своим предметом... Постепенно мы к Константину Эдуардовичу привыкли, и он - к нам. У нас с ним установились хорошие отношения, простые, с каким-то трогательным уважением. Нас очень интересовало и занимало, что он чем-то особенным занимается, что не может осуществиться... Однажды кто-то сказал, что Константин Эдуардович хочет полететь на Луну, а оттуда, может быть, завернёт на Марс. Для этого он строит корабль... Какое это было волнение, удивление... Мы не знали, верить или не верить, но когда спросили об этом [Константина Эдуардовича], он посмотрел на нас взволнованно и немного, как нам показалось, рассерженно ответил: “Я не полечу на Луну и Марс.... Но мысль идёт вперёд”. Мы долго носились с этим выражением, не понимая

его. Спросить у Константина Эдуардовича не решались. Спросили у инспектора, и он нам объяснил, но удивился, как и от кого мы могли узнать о такой фантазии Константина Эдуардовича. Много было разговоров об этом».

В 1901 г., закончив училище, 14-летняя Александра Орлова начинает работать учителем начальных классов в двухклассной школе в селе Чертьень Мосальского уезда Калужской губернии. В 1905 году, по достижении 18-летнего возраста, она поступает на естественнонаучный факультет Высших женских курсов Лохвицкой-Скалон в Санкт-Петербурге, которые успешно заканчивает в 1910 г. В Санкт-Петербурге она знакомится со своим будущим мужем, Ярославом Владимировичем Беккаревичем, за которого в 1910 г. и выходит замуж.

Ярослав Владимирович Беккаревич, уроженец Могилёвской губернии, сын священника, мог получать бесплатное образование только в духовных школах. Последовательно, одно за другим, он заканчивает Мстиславское духовное училище и Могилёвскую духовную семинарию и в 1903 г. поступает в Санкт-Петербургскую духовную академию. Закончив её с отличием в 1907 году, 25-ти лет от роду, Ярослав Владимирович решил отказаться от церковной карьеры по причине краха своего религиозно-философского мировоззрения и посвятил себя изучению естественных наук. В 1907 г. он поступил в Санкт-Петербургскую военно-медицинскую академию (ВМА), старейшее и знаменитейшее в России учебное заведение, где в то время преподавали академики Павлов и Бехтерев.

Первые три года молодые супруги жили порознь: Александра Васильевна, завершив учёбу в Санкт-Петербурге, уехала в г. Мосальск Калужской губернии, где начала работать учительницей в женской гимназии, а Ярослав Владимирович продолжил учёбу в академии. В 1912 г. Ярослав Владимирович закончил ВМА с отличием и приказом от 9 января 1913 г. был назначен младшим врачом в 117-ый пехотный Ярославский полк, дислоцировавшийся в г. Рогачёве (ныне Гомельская обл. республики Беларусь): он должен был отслужить военным врачом за государственную стипендию и бесплатное высшее медицинское образование в действующей армии (год службы за год обучения). Через полгода его переводят на новое место службы в местечке Барановичи Новогрудковского уезда Минской губернии, куда к нему приезжает жена с сыном Олегом. Здесь у супругов родился второй сын, Святослав.

В июне 1914 г., в связи со скорым вступлением России в Первую мировую войну, Ярослав Владимирович назначается начальником 110-го дезинфекционного отряда 76-ой пехотной дивизии на Западном фронте. Александра Васильевна с детьми уезжает в Калугу. Через три года, в июне 1917 г., Ярослав Владимирович переводится в Калугу старшим ординатором 36-го сводного эвакуационного госпиталя.

После октября 1917 г. общим собранием служащих госпиталя Ярослав Владимирович был избран главным врачом. Вскоре он распоряжением Московского окружного военно-санитарного

управления (МОВСУ) был срочно откомандирован в г. Симбирск (в район дислокации частей Красной армии, действовавших против Колчака) для организации военно-санитарных учреждений. После успешного выполнения задания Ярослав Владимирович был возвращён на прежнее место службы, где проработал до свёртывания госпиталя летом 1921 г., после чего был переведён на должность старшего ординатора Калужского военного лазарета, а весной 1922 г., по достижении 40-летнего возраста, был демобилизован из армии по возрасту на гражданскую службу. До ноября 1929 г. Ярослав Владимирович заведует детским отделением Калужской губернской больницы, организует врачебную амбулаторию в районе Подзавалья города Калуги и заведует ею. Помимо основной профессиональной деятельности, в эти годы Ярослав Владимирович вёл и активную организационно-общественную работу: был заведующим медико-санитарным подотделом Губэвака, заведующим школьным подотделом Горздравотдела, организатором и заведующим детским туберкулёзным санаторием в Калуге (ныне это детский психоневрологический санаторий «Калуга-Бор»). Я.В.Беккаревич был избран на должность члена Губернского бюро секции врачей, а также члена правления губернского отдела профессионального союза медицинских работников.

Александра Васильевна, как только подросли сыновья, начинает работать химиком-лаборантом в Калужской агрохимической лаборатории, затем - в 1928-1929 гг. – химиком-лаборантом в санитарно-бактериологической лаборатории Калужского Дорздрава (Западной железной дороги).

По долгу службы Ярослав Владимирович общался со многими жителями Калуги. Вызывали его и к уже опальным и сосланным в Калугу, но ещё находившимся на свободе Зиновьеву и Каменеву (у Каменева в Калуге родился ребёнок, и Ярослава Владимировича несколько раз вызывали на дом как врача-педиатра, в один из визитов его попросили осмотреть случившегося в гостях Зиновьева). Друзьями семьи были актёр Калужского драмтеатра Александр Брянский и его супруга, тоже актриса, Вера Зарницкая. Общался Ярослав Владимирович и с К.Э.Циолковским. Причем, судя по дошедшим семейным воспоминаниям, знакомство не было шапочным и не сводилось к общению врача с пациентом. Ярослав Владимирович и Александра Васильевна, получившие прекрасное образование, несомненно, были интересными собеседниками, и у них находились общие темы для разговоров с учёным. По всей видимости, К.Э.Циолковский нередко бывал в гостях у супругов Беккаревич. Их старший сын, Олег Ярославович, запомнил один из таких визитов; Константин Эдуардович приехал к ним в гости на велосипеде и спросил: “Хочешь американский огурец?” Получив от мальчика утвердительный ответ, он вручил ему жёлудь необычно большого размера.

13 ноября 1929 г. органами ГПУ супруги Беккаревич в числе 9 жителей Калуги были арестованы и обвинены по статье 58 (пункты 10 и 11) по откровенно сфабрикованному

коллективному делу Калужского теософского общества. С позволения внучек Александры Васильевны и Ярослава Владимировича (и во многом - через их восприятие) мы рассказываем об этой драматической странице жизни их бабушки и дедушки: “За окном – жаркий, пыльный и душный август 2007 г. Мы сидим в пустом кабинете здания недалеко от Лубянской площади в Москве. И вот оно, групповое дело Калужского теософского общества с архивным номером П-13158 – лежит на светлом полированном столе. Его можно открыть и почитать. Дело пухлое: в нём почти 500 листов формата А4, половина из которых имеет заполненную оборотную сторону – всего не менее 750 страниц. Правда, сёстрам Беккаревич открыто не более одной десятой части из них, зато все 53 открытых листа (73 страницы) можно сфотографировать и даже унести фотокопии с собой. Что находится на закрытых листах, не так уж и существенно – и открытых вполне достаточно, чтобы в не кондиционируемом помещении в жаркий августовский полдень в большом городе читателя начал бить озноб! Эта пылящаяся в архиве папка 80 лет назад придавила своей массой сразу 17 ни в чём не повинных человек, не последних людей в провинциальной Калуге. На 3 года лишила многих из них свободы, других отправила в ссылку на Север, у всех 17-ти на долгие годы (у многих – до конца их жизни) отобрала доброе имя, паровым катком прошлась по судьбам их родных и близких, поломала жизни и карьеры их детей”.

Машинописное обвинительное заключение изложено на 14 листах. Из него мы узнаём, что в Калуге в конце 1920-х годов под видом теософского общества действовала нелегальная группа антисоветчиков и контрреволюционеров. Задачи и цели этой преступной группы не сформулированы явно и ничем не доказаны, но органам ГПУ и так было очевидно, что всех членов этого общества надо срочно посадить, поскольку они представляют собой громадную опасность для народной власти. Кроме того, все эти политические преступники не представляют никакой ценности для народа, занятого индустриализацией, а могут только навредить последней. Все они – «бывшие люди», мечтающие о возвращении прежних порядков и ведущие активную антисоветскую агитацию под видом вовлечения в своё теософское общество новых членов, легковверных советских молодых людей. Мало того, Калужское теософское общество (точнее, «антисоветское подполье, долгое время успешно маскировавшееся под религиозное объединение, пока его полностью не разоблачили») не было самостоятельной контрреволюционной организацией – оно было лишь провинциальной (губернской) ячейкой обширной сети, раскинувшей свои щупальца по всей советской России! Следователи выявили связи местных деятелей со столичными теософами и даже “документально подтвердили” факт руководства подрывной работой калужских исполнителей их кураторами в Москве и Ленинграде. Как гласит заключение, у калужан были связи и с зарубежными теософскими центрами, как напрямую, так и через тех же столичных руководителей. Изъятые у них ценности (деньги и ювелирные украшения) были конфискованы в доход пролетарского государства.

Что же было на самом деле? Местная помещица Е.Ф.Писарева в начале XX века открыла в Калуге на свои средства книгоиздательство «Лотос», выпуская в том числе и теософскую литературу. Тиражи этих изданий сохранились до 1929 г. на чердаке дома Е.Ф.Писаревой в Калуге, в котором проживал её сын, Л.Н.Писарев. Писарева в 1922 г. эмигрировала в Италию, но продолжала оттуда переписываться с сыном. К письмам мать прилагала некие теософские материалы, которые просила сына передавать своим прежним калужским единомышленникам. Сам Лев Николаевич Писарев, инженер-архитектор, к этому времени 44 лет, теософией не интересовался совсем, в работе Общества никогда не участвовал, не состоял в приятельских отношениях ни с кем из своих так называемых «подельников» и угодил в тюрьму только за то, что был «уличён» в переписке со своей матерью и в выполнении её просьб по передаче прилагавшихся к её письмам посланий третьим лицам, да ещё за хранение - в крупных размерах! - теософских изданий. До самого ареста и обыска 13 ноября 1929 г. он и не ведал о том, что на его чердаке лежат нераспроданные и даже не распространённые бесплатно тиражи теософских книг и брошюр, отпечатанных ещё до революции.

Список обвиняемых не алфавитный, а по степени убывания так называемой «общественной опасности». Возглавляет его Валентин Михайлович Лалетин, 44-летний главный инженер управления строительства новой калужской электростанции, «пошедший паровозом» по этому делу (т.е. обвинённый как руководитель «преступной группы»). Кажется, из всех фигурантов дела он один был действительно убеждённым теософом и активным участником всех мероприятий теософского кружка. Поддерживал знакомство со столичными единоверцами, где-то раздобывал теософскую литературу и печатные материалы, давал читать их своим знакомым. Следующими в списке стоят супруги Беккаревич. Далее в списке арестованных идут «настоящие теософы»: старички Д. М. Закс и Г.А.Гагарин (судя по описям, у него изъяли довольно много для школьного учителя ценностей), затем инженер-архитектор Л.Н.Писарев, врач М.Ф.Харитонов (точно не известно, был ли теософом 43-летний детский врач Харитонов - или он попал в эту компанию как коллега Ярослава Владимировича и частый гость дома Беккаревич), пенсионерка-дворянка А.С.Гралеvская и кустарь-нэпман Д.М.Глаголин (у обоих изъяли действительно много, по тем скудным временам, ценностей). Не известно, интересовался ли теософией 37-летний бухгалтер-экономист П.И.Беляев - или он пострадал только как свойственник супругов Беккаревич, поскольку был мужем сестры Александры Васильевны.

Остальные теософы были оставлены на время следствия на свободе. Взять у них было нечего, высоких постов они не занимали и были вначале привлечены к делу в качестве свидетелей: это 63-летняя старушка В.В.Ергомышева и её 26-летний сын К.К.Ергомышев (кто-то из них перепечатывал, «размножал через пишущую машинку») рукописи теософского содержания. Они жили по соседству с другой старушкой – Т.К.Лалетиной (мамой «паровоза» В.М.Лалетина). Она

не попала в число обвиняемых, вероятно, по причине преклонного возраста и совсем слабого здоровья (была «безнадёжно больна туберкулёзом») и скончалась ещё до завершения следствия. В доме Лалетиных часто бывали не старые ещё сёстры Гоппе («сёстры Гоппе» – групповой псевдоним по девичьим фамилиям 39-летней Веры Генриховны Мокашовой и 42-летней Софьи Генриховны Добромысловой).

Весьма сомнительно, что супруги Беккаревич были членами теософского общества. Их потомки убедительно доказывают обратное. По происхождению оба они - из семей православных священнослужителей, и скорее всего были убеждёнными атеистами. В свое время оба они получили добротное дореволюционное естественнонаучное образование. Ярослав Владимирович получил два высших образования, и более раннее из них – богословское в Санкт-Петербургской православной духовной академии, в которой готовили не приходских священников, а богословов. И это было, прежде всего, полноценное и разностороннее гуманитарное образование плюс глубокое знание православного вероучения и его толкования, необходимое как для преподавания богословия единоверцам, так и для миссионерской деятельности и межконфессиональной борьбы. Это Ярослав Владимирович мог читать калужским теософам (а вовсе даже не они – ему!) лекции об их системе, точнее, о полной бессистемности их религиозных взглядов. Технике и методике подобных диспутов Ярослава Владимировича специально обучали в стенах духовной академии.

У Александры Васильевны богословского образования не было, но было качественное естественнонаучное. По традициям времён её юности, она была весьма начитанной барышней. А к моменту ареста калужских теософов она уже была зрелой женщиной (ей было за 40). От нечего делать она, конечно, могла взять в руки теософскую литературу как нечто для себя новое и популярное в кругу её знакомых. Но, вероятно, она должна была быстро разочароваться в этом вероучении. На допросе в 1929 г. Александра Васильевна так и говорила следователю: “Я теперь в это не верю и как естественница могу разбить теософическую науку, но мер никаких ... не принимала, учитывая престарелость <членов> общества <теософов>”, - и оснований сомневаться в её искренности у нас нет. Она не изворачивалась, пытаясь избежать наказания – она действительно не была теософкой! Как же супруги Беккаревич попали в эту компанию из 17 осуждённых, да ещё и не на последних ролях?

Трагическую роль в их судьбе сыграл Иван Дмитриевич Смирнов, который в 1924-25 гг. снимал у них комнату, вероятно, вместе со столом (в те времена было принято кормить постояльца). Как видно из подшитых к делу писем И.Д.Смирнова, адресованным супругам Беккаревич (ответов, кстати, не было, так как нечего было ответить на эти глупые подростковые письма), это был малообразованный молодой человек, годившийся им в сыновья по возрасту; в его комнате собирались пожилые участники кружка любителей теософии (что и дало следствию основания утверждать, что собрания членов кружка происходили на квартире супругов

Беккаревич). И Александра Васильевна, как «квартирная хозяйка», подавала им чай и угощение (этим, собственно, её участие в заседаниях теософского кружка и ограничивалось). Но это было в 1924 г., за 5 лет до ареста калужских теософов. Вскоре И.Д.Смирнов уехал в Москву для продолжения образования, но иногда гостил в Калуге, в последний раз - летом 1927 г., на даче у супругов Беккаревич. Ваня Смирнов был увлечён теософией, с восторгом общался с калужскими теософами и обменивался с ними книгами и рукописями, но даже и он не был антисоветчиком или контрреволюционером. Его личные контакты с калужскими знакомыми прекратились за два года до арестов по теософскому делу. Но следователь представляет этого юношу как видного столичного теософа, который руководил подрывной деятельностью провинциального теософского общества через супругов Беккаревич (47 и 42 лет от роду), направляя им письменные инструкции. Надуманность построений автора обвинительного заключения очевидна.

Александра Васильевна настаивала на допросах, что поддерживала с членами кружка калужских теософов эпизодические, исключительно частные и вполне формальные контакты вроде визитов на именины. В заседаниях теософского кружка она не участвовала. Учитывая специфику профессии Ярослава Владимировича, супругам Беккаревич было чем занять редкий досуг и куда сходить в гости в свободный вечер. Едва ли у них оставалось много свободного времени для того, чтобы посвящать его теософским посиделкам, в основном, с престарелыми людьми откровенно не их уровня образования и интеллекта. Похоже, ничто всерьёз не связывало супругов Беккаревич с калужскими теософами, кроме личных знакомств.

Но теософы как таковые всё-таки были. Вряд ли они составляли какую-то организацию. Все они согласно утверждали: никакого общества уже в 1924 г. не было, никакой общественной работы этот кружок не вёл, сбора средств не осуществлял, тем более не занимался никакой миссионерской деятельностью! Общались узким и очень замкнутым кругом, обменивались книгами и рукописями только среди своих, обсуждали теософские вопросы исключительно внутри своего малочисленного коллектива единомышленников. Не помогло и не убедило!

Таким образом, членство в теософском обществе было лишь поводом; истинной причиной арестов и возбуждения дела было другое. Это было время, когда власть от крайне подозрительного отношения к специалистам с дореволюционным образованием и стажем, не видя в них в принципе надёжной опоры, перешла к практически официальному недоверию. Большевикам на всех мало-мальски значимых постах нужны были свои люди: такие, которые о прежней жизни не знали в силу молодости или социального происхождения («от сохи!») и которые новой власти были обязаны всем (пусть и очень немногим). Эти «новые люди» были свободны от ненужных предрассудков и пережитков, искренне верили в праведность новых порядков. А недостаток квалификации – дело поправимое, исчезнет сам собой со временем. И

сильным аргументом в пользу именно такой интерпретации тех давних событий служат многие факты.

На первом допросе (в день ареста 13 ноября 1929 г.) Ярославу Владимировичу про теософию и собрания общества не задали ни одного вопроса. В день его ареста следователя интересовали его связи с шурином (братом жены) и его кругом (Василий Васильевич Орлов был тогда арестован в Мосальске по другому делу, не менее надуманному). Следователь, видимо, ещё только нащупывал, что вменить арестованному в вину. Но с шурином как-то совсем не заладилось - и пришлось вызывать Ярослава Владимировича на второй допрос 22 ноября 1929 г. Там уже ему были заданы вопросы о собраниях теософов в его доме, об изъятой при обыске теософской литературе и переписке с «московским куратором» И.Д.Смирновым. Обвинение ему было предъявлено 27 ноября 1929 г. Третий и последний допрос, 6 декабря 1929 г. - пустая формальность: надо было всего лишь зафиксировать, что обвиняемый виновным себя не признаёт.

Вот Александру Васильевну сразу было решено сажать за теософию, а не за связь с родным братом; и на первом же допросе в день ареста, 13 ноября 1929 г., ей задавали вопросы именно по этой теме. Второй и последний её допрос, 2 декабря 1929 г. - такая же пустая формальность о признании вины перед отправкой дела в «суд». Следователь не мучил арестантов допросами: ничего интересного, для него нового или полезного они бы всё равно рассказать не смогли. Из материалов дела видно, что Александра Васильевна настойчиво просилась на допрос, но ей отказали, предложив написать письменное заявление, что она и сделала: «Все обвинения надуманы! Ни в какой контрреволюционной организации я не состояла! Никакого теософского общества не было уже в 1926 г.! С некоторыми бывшими (дореволюционными ещё!) его членами я поддерживала лишь эпизодические частные контакты!»

«Паровозу» Лалетину в это же время «шили» ещё одно дело¹, по пункту 7 статьи 58 (вредительство). Но инкриминировать вредительство В.М.Лалетину так и не удалось. Пришлось взяться за его теософские увлечения.

Свидетельством надуманности дела теософов и подтверждением факта недоверия власти к старым специалистам и стремления к их замене, по крайней мере, по отношению к П.И. Беляеву, служит следующий факт: к делу был подшит датированный ещё 1928 г. акт проверки служебной деятельности обвиняемого П.И.Беляева (мужа Лидии Васильевны, родной сестры Александры Васильевны Беккаревич), бухгалтера-экономиста Калужского окрфинотдела, рабоче-крестьянской инспекцией (РабКрИн). Акт вполне себе даже и положительный: «Квалифицированный специалист, аккуратный и исполнительный, серьёзно подходит к делу». Но дальше: «Связи с отцом-священнослужителем не порвал». И вывод: «Временно оставить <на должности> до подыскания соответствующей кандидатуры». В документах обвинительного заключения есть

¹ Выражение из жаргона уголовников. Как писал ещё Варлам Шаламов (“Колымские рассказы”), жаргон этот всегда метафорически точен. В данном случае: “шить дело” – подшивать бумаги в канцелярскую папку.

такая фраза, якобы сказанная в свое время П.И.Беляевым: «Хозяйственной руки у власти не видно, сажая выдвигенцев, которые ни черта не понимают и только тормозят работу спецам». И не столь уж важно, говорил это Пётр Иванович на самом деле или нет. «Хозяйственная рука власти» тогда заботливо и аккуратно расчищала от старых специалистов посты и рабочие места для новых молодых кадров (которые «решают всё», как говорил «отец народов»). При этом теоретически допускалась возможность некоего процента неправосудных решений: «Лес рубят – щепки летят». Но главное – это обеспечить ротацию советских кадров!

Итак, лозунг «дорогу молодым!» был тогда зловеще актуален. Оставалось только сделать вакантными те посты и просто рабочие места, которые пока были заняты специалистами старой закалки. И как это можно было сделать? Очень просто: отправить «бывших» в концлагерь! В обвинительном заключении это звучало так: «Членами этого <то есть Калужского теософского> общества являлись специалисты, не отвечающие требованиям нашей партии и Советской власти, которые бы свои знания и силы отдали бы на индустриализацию страны и культурную революцию».

23 февраля 1930 г. постановлением Особого совещания ГПУ 9 из 17 обвиняемых (в их числе - супруги Беккаревич) были приговорены к 3 годам исправительно-трудовых лагерей, остальные 8 человек – к тем же срокам высылки на поселение в северные районы. Никто из этих 17 несчастных калужан не был оправдан и отпущен, никто не избежал «заслуженной кары».

С 26 марта 1930 г. по 1 июля 1932 г. супруги Беккаревич отбывали наказание в Северном лагере особого назначения (СевЛОН) ОГПУ, на строительстве железной дороги Пинюг-Салехард (ныне в Кировской области). Согласно материалам архивов КГБ, во время заключения Ярослав Владимирович Беккаревич работал на рядовых, а затем и руководящих врачебных лагерных должностях, получал премии и благодарности от администрации; Александра Васильевна работала в качестве лаборанта-химика в санитарно-бактериологической лаборатории при стационаре лагерного лазарета. Они были досрочно освобождены 1 июля 1932 г. без ограничений в правах и в выборе места жительства.

К периоду пребывания их в лагере относится единственное сохранившееся письмо Александры Васильевны К.Э.Циолковскому и конверт от ответного письма К.Э.Циолковского в лагерь. Много лет хранила Александра Васильевна этот потёртый, ставший клочком бумаги с таким известным почерком, конверт (вернее, то, что от него осталось). Для конверта Циолковский использовал, как он делал это часто, свой черновик. Поверх черновых записей учёного карандашом - четкая надпись чернилами его же рукой: «Ст. Пинюг Сев.жел.дор. Севлон. ОГПУ 1-ый работпункт. Стационар. Александре Васильевне Беккаревич (От Циолковского). Книги». И две погашенные марки достоинством по 2 копейки каждая. На сохранившемся калужском почтовом штампе прочитывается 1931 год.

Видимо, этому предшествовало письмо Александры Васильевны К.Э.Циолковскому, сохранившееся в Архиве Российской академии наук (РАН). Письмо очень тёплое, с такими подробностями, которые говорят, что они были близко знакомы и часто общались. Письмо датируется 25 апреля 1931 г. Оно настолько трогательное и дружеское, что мы приводим его полностью (при этом не стоит забывать, откуда оно пришло и куда посылал Циолковский ответ - ведь и его за связь с «врагами народа» тоже могли «привлечь», несмотря на возраст и уже пришедшую к нему известность).

«Дорогой Константин Эдуардович! Не знаю, может быть, дети, желая доставить мне громадную радость, сообщают в письме, что Вы будто бы шлёте нам привет, может быть, Вы и не знаете, где мы, но если это так - Вы помните нас, для меня это большая-большая радость. Здесь не только это, но даже самое маленькое участие к себе особенно ценно. Как Ваше здоровье? Как Ваша работа? Наверное, еще многое-многое создали, а я вот из-за боязни, как бы не затерять в дороге хотя бы одну из Ваших книг, взяла только «Монизм вселенной» и «Неизвестные разумные силы» - и то подарила, не смогла отказать. Берегите своё здоровье. Ни о чем плохом не думайте. Как я хочу, вернувшись из заключения, видеть Вас по-прежнему бодрым и крепким, опять на велосипеде... Привет от меня Калужскому бору, когда поедете на прогулку туда. Берегите здоровье... Живём в лагере – это участок леса, где вырубил деревья (по преимуществу здесь ель, почва глинистая) и наскоро построили бараки, где живут заключённые. Все работы по лагерю обслуживаются заключёнными. Есть ларёк, службы и проч. Не знаю, как летом буду себя чувствовать, а сейчас неважно: начинается весна - и мои хилые лёгкие напоминают о себе. Хочется вздохнуть и дышать, дышать или заснуть, чтобы потом не просыпаться. Встаю в 4 часа утра - и начинается день. Бывает потом проверка. Как хочется вернуться к своей работе в лабораторию. Есть надежда, что здесь скоро откроется лаборатория, и я буду работать по специальности, а пока служу в стационаре сестрой, тоже работа знакомая: ведь я - сестра мирного времени и бывший секретарь ячейки «Рока» (это в 28 году была на службе выбрана). Вот чего здесь не хватает, так это книг, журналов и пр. А так хочется многим, особенно больным, читать. Пишу детям, пусть соберут журналы старые последних лет и пришлют – всё примется с благодарностью. Я хотела бы сказать, что концлагерь даёт хорошую жизненную закалку, но вот если здоровья нет – плохо. Но не в этом тяжесть у меня, а в сознании того, что дети одни – где и чем живут? Мои мальчики, как дороги они мне. Как тяжело сознавать, что они оторваны. Сердце болит при мысли, что им плохо²... Пока всего-всего Вам радостного. Берегите здоровье. Вы так нужны, дорогой наш, не только всему научному миру, но и всему человечеству. Берегите себя.

² После ареста мужа и сестры на попечении Лидии Васильевны Беляевой, кроме двух малолетних собственных её дочерей, Лидии и Вероники, остались сыновья супругов Беккаревич. Старший, Олег, учился в Калужском дорожном техникуме (успел поступить в него в 1928 г., ещё до ареста родителей в конце 1929 г.) – его оттуда не выгнали, дали доучиться. Младший, Святослав, был ещё школьником

Ваша А. Беккаревич. Ярослав Владимирович шлёт Вам привет и благодарность. Он работает по специальности – врачом».

На лицевой стороне конверта - помета К.Э.Циолковского карандашом: «Мон. и Последние, кроме Поездов на 10 коп.» (это означает, что учёный послал в лагерь Александре Васильевне брошюры «Монизм вселенной» и последние, изданные...- Что было к этому году издано????? - всего на 10 копеек). На оборотной стороне конверта К.Э.Циолковский написал: «Письмо 25 (писано). Во сне (25-26) я видел письмо от Беккаревич». Написанное Циолковским на конверте мы рассматриваем как свидетельство, что он думал о супругах Беккаревич, знал, что с ними. О неблизких людях не вспоминают и писем от них во сне не видят. Как известно, сны - продолжение наших дневных мыслей. Мы не знаем, были ли ещё письма с той и с другой стороны. Но даже одного этого письма и ответа на него достаточно, чтобы судить об отношениях этих людей, об их участии друг к другу. А присылка брошюр учёного в концлагерь – свидетельство того, что его работы были нужны и там. И оба корреспондента сохранили свидетельства этой переписки!

Не досидев нескольких месяцев назначенного им срока, супруги Беккаревич были досрочно освобождены из лагеря 1 июля 1932 г., за ударную работу – «без ограничений в правах и в выборе места жительства». Но местом жительства они выбирают г. Малоярославец (тогда Московской, ныне – Калужской обл.). Возможно, это «без ограничений» не распространялось на обе столицы и их окрестности радиусом 100 км, а также и на областные центры. Возможно, они сами не захотели возвращаться на прежнее место жительства. А возможно, им этого не позволили в неофициальном порядке.

Но наверняка они заехали в Калугу, к сыновьям, где остановились в доме родной сестры Александры Васильевны, Лидии Васильевны Беляевой, проживавшей по адресу: ул. Театральная, дом 32 (до своего ареста в Калуге супруги Беккаревич проживали рядом, по адресу: ул. Театральная, дом 34 – и этот их адрес учёный знал наизусть ещё в 20-х годах, когда запросто заезжал к ним в гости на своём велосипеде). Видимо, здесь после 7 августа 1932 г. встречались они с К.Э.Циолковским. А поскольку они ещё не знали, где будут жить в Малоярославце, Константин Эдуардович и записал себе в книжку калужский адрес Лидии Васильевны Беляевой, через которую можно было разыскать Александру Васильевну или даже переслать ей письмо. Вот, видимо, как появилась эта строчка в его записной книжке.

О чём они разговаривали во время этой встречи? Скорее всего, Александра Васильевна рассказывала Константину Эдуардовичу о подробностях своего ареста в 1929 г. и следствия по делу Калужского теософского общества, о своём пребывании в тюрьме и в лагере – обо всём, о чём не могла написать ему из лагеря (почта заключённых и ныне тотально перлюстрируется!). Наверняка это было интересно К.Э.Циолковскому, имевшему в 1919 г. собственный опыт ареста и 10-дневного следствия на Лубянке, закончившегося для него освобождением за отсутствием какой

бы то ни было вины перед советской властью. Но ужасов в тюремных лубяньских подвалах он натерпелся: из его камеры уводили на расстрелы, заключённые при нём кончали жизнь самоубийством, да и его самого водили на допросы.

В Малоярославце Ярослав Владимирович начинает работать заведующим детской консультацией и педиатром амбулатории 2-го врачебного участка Дорсанотдела (железнодорожной больницы) Московско-Киевской железной дороги, чуть позже – по совместительству – и врачом помощи на дому. Александра Васильевна Беккаревич работает химиком-лаборантом в санитарно-бактериологической лаборатории районной СЭС (санитарно-эпидемиологической станции), затем - в 1936-1942 гг. - преподавателем химии, биологии и географии в школе. Жизнь стала как-то налаживаться, но наступил 1937 г., а вскоре после него – и 1938 г. Клеймо «бывших людей» и «врагов народа» на семье Беккаревич осталось. 24 января 1938 г. Ярослав Владимирович Беккаревич снова был арестован по обвинению (по статье 58-10 УК РСФСР) в «активной контрреволюционной агитации», которую он якобы вёл среди населения г. Малоярославца (“выступал против стахановского движения в больнице”), и приговорён Особым Совещанием при НКВД к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. Судьба уберегла от второго ареста его супругу.

Опять-таки обращаемся к трактовке событий, сделанной потомками, которым удалось познакомиться с архивными документами: «Возвратимся мысленно в тот жаркий августовский полдень 2007 г., в тот же кабинет по соседству с Лубяжкой. Перед нами ещё две папки – следственное дело 1938 г. и личное дело заключённого Я.В.Беккаревича 1938-1940 гг. Выдача последнего – шаг для архивистов ФСБ просто исключительный. Сёстры Беккаревич аргументировали свою просьбу об ознакомлении с этим личным делом тем, что хотят попытаться установить место захоронения своего деда. В этой папке всего-то 30 листов, вместивших последние три года жизни Ярослава Владимировича. А в следственном деле 1938 г. имеется очень ценный документ – автобиография, написанная Ярославом Владимировичем не позднее 10 октября 1937 г. (на ней – резолюция: «Выслать представителя лечебного сектора для глубокой проверки работы Беккаревича. 10/X-1937 <подпись>»). «Глубокая проверка» профессиональной деятельности доктора Беккаревича ничего не дала. Зато в обвинение 1938 г. вошёл эпизод, оставленный в 1929 г. без внимания: в 1917 г. Ярослав Владимирович выступал в Калуге с лекциями в поддержку временного правительства (под председательством социалиста Керенского), текст одной из его лекций был даже опубликован 30 марта 1917 г. в газете “Голос Калуги”. Эти лекции читались Ярославом Владимировичем, приехавшим с фронта на побывку к семье весной 1917 г., ещё до начала июльского противостояния большевистских Советов и временного правительства Керенского, да просто ещё до выхода петроградских советов на политическую сцену. Тогда эти выступления ещё не могли быть названы антисоветскими и

контрреволюционными – и об этом помнили в Калуге в 1929 г., но уже прочно забыли в Малоярославце в 1938 г. Но этого мало для обвинения...

Следователь вынужден был придумывать, за что бы посадить арестованного. Семейное предание (хотя и не особо надёжный источник!) сохранило такой характерный эпизод. Ярослав Владимирович был хорошим детским врачом – его уважали за профессионализм и любили за редкие душевные качества все, включая и начальника местного НКВД, у которого тоже подрастали дети (а дети, как известно, часто болеют и нуждаются в медицинской помощи). Якобы начальник этот, не то придя к супругам Беккаревич в гости накануне, не то уже присутствуя при аресте и обыске, буквально плакал: лично он ничего не может сделать – на Ярослава Владимировича пришла бумага из Москвы! Не выполни этот особист приказа – подписал бы себе расстрельный приговор.

Из дела стало известно, что на второй день после ареста доктор Беккаревич был единственный раз по этому делу допрошен, тем же днём (26 января 1938 г.) помечено и отпечатанное на пишущей машинке обвинительное заключение. Выходит, все «следственные действия» (допросы «свидетелей» и сбор компромата) совершались загодя, пока Ярослав Владимирович ещё был на свободе. Обвинительное заключение на трёх машинописных листах, «приговор» на четвертинке листа формата А4 – типографский бланк, заполненный на пишущей машинке: 5 лет лагерей по статье 58 пункт 10.

Через неделю после ареста доктор Беккаревич оказывается в московской Таганской тюрьме, где проводит в ужасных условиях без малого целый год. Сначала 9 месяцев – в ожидании «приговора», затем почти 3 месяца – в ожидании этапа в Сибирь. Но этот тюремный год сильно подорвал здоровье Ярослава Владимировича: медосмотр после трёхнедельного этапа в Томасинлаг выявил у него сильное истощение вдобавок к иным болячкам – на общих работах в лагере использовать этого арестанта было уже проблематично.

В Томасинлаге до самой своей кончины он служил лагерным лекарем. И работал хорошо: в личном деле заключённого нет ни одного рапорта или доноса, а все характеристики – исключительно положительные. 14 декабря 1940 г. Ярослава Владимировича не стало: он скончался в лагерной больнице. Не удалось установить пока точное место захоронения доктора Беккаревича – скорее всего, это братская могила при лазарете лагпункта «Пойма» Томасинлага.

В 1989 г. его официально признали невиновным по обоим делам, 1930 и 1938 гг. В 1942 г. Александра Васильевна обращается в органы НКВД с просьбой о снятии с неё судимости: вероятно, в 1942 г. это было важно для хорошего трудоустройства или просто нормальной жизни. Скорее всего, эта просьба была удовлетворена не ранее 1943 г. (в своей автобиографии 1949 г. Александра Васильевна пишет, что она не судима). С 1942 г. и до выхода на пенсию в 1953 г. (в возрасте 66 лет) Александра Васильевна Беккаревич работает химиком-лаборантом и регулярно

исполняет обязанности заведующего санитарно-бактериологической лабораторией районной СЭС (санитарно-эпидемиологической станции) в г. Малоярославце Калужской области. В 1961 г. Александра Васильевна Беккаревич скончалась и была похоронена на малоярославецком городском кладбище.

Сёстры Беккаревич, Ольга Олеговна и Александра Олеговна, помнят своё родство. Если бы каждый из нас с таким же интересом и трепетом, вниманием и упорством относился к поискам своих корней, насколько бы меньше росло «Иванов, родства не помнящих». Сёстры сохранили личные вещи своего деда: компас, микроскоп, медицинские инструменты, которыми он пользовался в Калуге, а также книги и учебники по медицине, принадлежавшие ему. Моё знакомство с Александрой Олеговной Беккаревич, внучкой Александры Васильевны Беккаревич, состоялось в прошлом году. Она приехала в музей и передала в его фонд личные вещи своего деда и сохранённый её бабушкой автограф Циолковского.

Благодаря полученным новым сведениям и документам мы сегодня можем рассказать ещё об одной калужской семье, проживавшей в первой трети XX века в доме № 34 по Театральной улице, о благородных и честных людях, сделавших для Калуги в прошлом немало добрых дел, об их нелёгкой судьбе; о калужанах, которые понимали и принимали идеи К.Э.Циолковского, дружили с ним и поддерживали его.

Неизвестные страницы, забытые имена.

Из небытия...

История одного письма.

История одной переписки.

Литература

1. Записная книжка К.Э.Циолковского (Оп3 ед21) на л.18 об
2. Воспоминания о К. Э. Циолковском Малининой О.И. (оп 4 ед. 108).лл.1-8.
3. Письмо А.В. Беккаревич К.Э.Циолковскому.// АРАН Ф.555. Оп. 4. Ед.